

Бывают книги, в которые проваливаешься с головой.
Представьте мир, где один неверный шаг стоит
жизни, а за ледяной ненавистью скрывается
страсть, от которой перехватывает дыхание.
Сегодня мы открываем для вас историю, живущую
по этим суровым законам.

В романе «Хозяйка сада чёрных роз» судьбы лидеров
двух враждующих кланов сплетаются в тугой узел.
Громкое убийство донна становится точкой невозврата:
теперь за их спинами — опасные тайны, а перед
глазами — враг, который внезапно стал единственным,
кому можно доверять. Нашим героям придётся рискнуть
всем, чтобы обрести свободу. Мы влюбились в этот
сюжет и уверены, что он не оставит вас равнодушными.

**С любовью к читателям и книгам,
команда**

Читайте в «Серии, которую
нельзя называть»:

КАТЕРИНА КАВАЛЬЕ
Хозяйка сада чёрных роз

КАТЕРИНА
КАВАЛЬЕ

Хозяика сада
чёрных роз

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К12

Иллюстрации на обложке *Una Geran, Karma Virtanen*

Художественное оформление *Игоря Пинчука*

Внутреннее оформление *Елены Ефименко*

Кавалье, Катерина.

К12 Хозяйка сада черных роз / Катерина Кавалье. — Москва : Эксмо, 2026. — 464 с. — (Серия, которую нельзя называть).

ISBN 978-5-04-234729-0

Ее брак был тюрьмой.

Его смерть — ловушкой.

Кьяра, бывшая пленница могущественного мафиози Лучиано Корсани, в один миг становится самой богатой вдовой Тосканы и вынужденной наследницей его криминальной империи. Но трон, доставшийся по кровавому завещанию, шаток. За спиной шепчутся предатели, и каждый шаг девушки зависит от воли бескомпромиссного Дамиано Росетти. Чтобы выжить, Кьяре придется принять правила мира, в который ее заточили против воли. Здесь доверие оборачивается гибелью, а спастись можно лишь одним способом — стать самой опасной хищницей в саду черных роз.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Катерина Кавалье, текст, 2026
ISBN 978-5-04-234729-0 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

Она уже давно не смела надеяться на выход из этого дома. Два года, проведенные в заточении, не превратили его стены ни в родные, ни хотя бы в безопасные. Каждый шаг, каждый завтрак в компании мужа, каждый выход в сад, который она теперь называла своим, напоминал: внешний мир всегда будет вне досягаемости.

Смирение настигло ее быстро. Она ловила себя на простых радостях вроде возможности встретить рассвет с балкона. Тогда свежий воздух и лучи солнца казались ей привилегией, за которую следовало благодарить.

Возможно, именно из-за смирения маленькие изменения в поведении ее мужа едва не прошли незамеченными. Мозг отказывался мечтать, стерея правильное значение слова «свобода». Можно ли хотеть разговора с отцом, встречи за кофе с друзьями, прогулки по площади, если не помнишь, каково это? Вряд ли.

Стоило отреагировать на приглашение на ужин в городе с большим энтузиазмом, но красная лампочка угрозы вспыхнула в голове. Навязчиво напоминала: «Это ловушка». Показательное проявление хорошего отношения, прежде чем сделать большее? Финальный выход в свет перед тем, как окончательно ее уничтожить? Преступникам в тюрьмах, кажется, давали право последней трапезы перед казнью. В этом была суть?

Неизвестно, о чем думал ее драгоценный муж. Его безразличие, если не сказать — отгороженность, точно не говорило об одобрении. Однако ужин он отменять не стал, даже подарил новые платье и туфли, будто ее шкаф не ломился от хлама, который ей было некуда носить. Кьяра нередко задавалась вопросом, не была ли ее гардеробная просто его способом хоть как-то тратить тонны залитых кровью денег. Миллионы евро, пылящиеся на полках в виде бриллиантов, рубинов и сапфиров... Ее бабуку хватил бы удар.

«Кьяра-Лучия Руссо, никакая побрякушка на шею не может быть ценнее помощи ближнему. Никогда не связывайся с теми, кому богатство важнее добродетели».

Слава богу, бабушка не дожидая до этого момента и не видела, как в глубоких карих глазах внучки поселилась эта вечная застывшая настороженность. Как непокорные темные кудри, которые Кьяра больше не пыталась усмирить, теперь просто обрамляли ее осунувшееся лицо. Пришлось бы сдать все бриллианты мира на ее лечение, но даже так Кьяра не хотела бы видеть ее разочарование.

— Синьора?

Она дернулась, оборачиваясь.

Чертовы прислужники Корсани. Вечно подкрадывались со спины.

В просторном холле особняка, залитом холодным светом люстр, сегодня было непривычнолюдно: тени

охраны мелькали у массивных входных дверей, и воздух казался наэлектризованным перед их выездом в город.

Парень, чуть младше ее, держал пальто с умоляющим видом, словно его убьют, если она не будет готова через секунду. От этой семьи можно было ожидать многого, но точно не траты человеческого ресурса впустую. Он провел здесь слишком мало времени, чтобы об этом знать.

Кьяра позволила накинуть пальто на плечи и лишь тогда переключила внимание на мужа.

Он возвышался над ней, как и над всем в этом доме, и она поймала себя на том, что снова смотрит на него слишком долго, хотя выучила черты наизусть. Спокойные карие глаза, наполненные равнодушием, темные волосы, начавшие виться из-за влажности, и эта его невыносимая расслабленная уверенность.

В другой вселенной ей бы польстила его заинтересованность. Может, даже сильнее — она была бы рядом добровольно, рассматривая родинки или маленький шрам на виске с любовью.

В этой вселенной его глаза снились ей в кошмарах.

— И? — не выдержав, бросила Кьяра, когда молчание затянулось.

Лучиано даже не шелохнулся. Его короткое «красиво» прозвучало как привычный жест одобрения — он так редко улыбался или хвалил кого-то, что дом Корсани научился считать подобные мелочи как полноценную реакцию.

Он протянул ей руку, и Кьяра ухватилась за нее, заново оценивая собственную способность идти на каблуках. Шпильки она не надевала уже очень давно, ощущения были непривычными, почти странными, и Лучиано, несомненно, это понимал.

— Лучия, сделай мне одолжение: не оглядывайся по сторонам так, будто тебя сейчас схватят. В ресторане могут решить, что нужен вызов полиции.

Они оба прекрасно знали, что никакой настоящей угрозы она для него не представляла и никому не будет до них дела, как только они войдут внутрь. И все же Кьяра послушалась, опустила голову, стараясь не действовать ему на нервы.

Послушная жена Корсани...

В сопровождении охраны они направились к выходу и сразу к машинам. Октябрьская Флоренция встретила их промозглой сыростью, от которой асфальт блестел, отражая свет фар. Кьяра глубоко вдохнула, позволяя влажному воздуху проникнуть в легкие. Пахло прелыми листьями и землей.

Ей хотелось стоять так вечно — пока рядом гудел мотор, пока дождь снова начинал капать. Голова кружилась от осознания, что она наконец-то окажется где-то в городе, среди людей. Душа уже тянулась туда и надеялась, что поездка повторится, если все пройдет хорошо.

Она должна была это право *заслужить*. Поэтому, когда Лучиано распахнул дверь, Кьяра послушно устроилась внутри и уставилась на капли, скользящие вниз по стеклу.

— Даже не хочешь спросить, что за ресторан? — Сиденье рядом чуть прогнулось, когда он сел.

Сарказм тянул язык, но она удержалась.

— Я доверяю твоему выбору.

— В самом деле? — он едва заметно усмехнулся.

Она кивнула с той улыбкой, на которую была способна. Машины тронулись, а она не сумела удержать язык за зубами:

— Почему ты передумал?

Он выгнул бровь, не понимая.

— Ты поклялся, что я никогда не выйду из нашего дома, тем более не в твоём обществе, после свадьбы. Почему передумал?

Он скрывал ее от мира два года. Любой визит в дом означал, что спальню закроют на замок. Случайным очевидцам Кьяру представляли как временную гостью или дальнюю знакомую. Она не получила кольца и не знала, где лежат документы.

А теперь — вот так, внезапно — перемена, о которой она не планировала спрашивать.

Лучиано сделал самую раздражающую вещь на свете — пожал плечами:

— Захотелось разнообразия.

Ясно.

Она закатила глаза и отвернулась к окну. За стеклом пробегали огни и темные силуэты тосканских холмов. Машина спускалась по серпантину: оливковые рощи тянулись вдоль дороги, черные от дождя, блестящие, словно покрытые маслом.

Редкие фонари выхватывали из темноты каменные стены, потемневшую черепицу, старые ворота. Флоренция мерцала впереди мягким золотым пятном.

Кьяра поймала себя на том, что вжимается в спинку сиденья, удерживая ремень так, будто любое движение могло разрушить хрупкий сон.

Секунда — и ей показалось, что в отражении девочка, которую отец когда-то возил за мороженым, смотрела на нее с жалостью. Или с ненавистью — за то, что они позволили себе опуститься так низко.

— Возможно, это заставит тебя ненавидеть меня чуть меньше, — тихо сказал Лучиано.

— Я не испытываю ненависти, — ее голос стал сухим. — Просто желаю тебе смерти чуть чаще, чем обычным людям.

— Твои молитвы пока что не были услышаны.

— Давно не была в церкви. Построишь одну на вилле?

Он тихо, хрипло рассмеялся и больше не ответил.

Катерина Кавалье

Машина замедлилась. Флоренция вблизи была живой, шумной, настоящей.

Кьяра потянулась опустить стекло, и город ворвался внутрь: голоса, смех, звон посуды с террас, запах дождя, смешанный с ароматом еды.

Улица была узкой, подсвеченной оранжевыми фонарями, словно сцена из старого фильма.

Она не пыталась скрыть улыбку.

Мимо промелькнули знакомые переулки, уже без туристов, которые предпочитали более теплый сезон. Она помнила, как когда-то показывала дорогу заблудившимся иностранцам, как смеялась над очередями в галереи, как советовала рестораны... Это казалось другой жизнью.

Она знала, куда они направляются, — карту этих мест могла восстановить с закрытыми глазами. Это почти заставило ее ненавидеть его чуть меньше... но только на секунду.

Машина свернула к отелю — к той самой последней точке маршрута. У входа толпилась очередь, люди стояли в надежде попасть внутрь.

Когда-то Кьяра не могла мечтать подойти так близко.

Теперь она стояла здесь — в платье стоимостью больше, чем годовой бюджет средней семьи.

Дождь все еще моросил. Она поблагодарила себя за то, что не стала укладывать волосы — непослушные темные кудри все равно приняли бы тот же вид.

Первым вышел водитель, сразу за ним — двое охранников. Двери распахнули. Лучиано спокойно выпрямился и сделал под дождем несколько шагов, пока капли темнели на его пиджаке. Один из охранников, встретив его строгий взгляд, наклонился к дверце с пассажирской стороны.

Кьяра секунду смотрела на протянутую ладонь в черной перчатке. Забавно — в ней было больше тепла, чем в двух годах ее семейной жизни.

Стоило выбраться наружу, как мир сразу ударил по чувствам, заставив замереть на секунду.

— Дыши, Лучия, — шепнул Лучиано, протягивая руку. — Никто не собирается тебя трогать.

Странно, но в этом ему можно было поверить даже после всего. Они сделали несколько шагов к ресторану; очередь разошлась в стороны, жадно разглядывая их. Пальцы Лучиано чуть крепче сжали ее ладонь.

Кьяре было трудно разобрать собственные эмоции: восторг смешивался с гневом, радость — со смятением, тревога — с параличом.

Воздух становился неправильным, почти горьким на вкус. Сердце предательски замерло.

Лучиано обернулся к ней — всего на секунду. Мимо проходили двое служащих отеля с чемоданами.

Он посмотрел на нее, и мир замедлился.

Секунда. Меньше, чем нужно на вдох.

И все обрушилось разом.

Сожаление во взгляде ударило сильнее любой его грубости. Как будто все невысказанные слова — извинения, обещания, то, что он так и не произнес, — застыли в этой одной чертовой секунде.

Она могла бы заметить странное движение у него за правой рукой.

Могла бы.

Но слишком сосредоточилась на невозможной тихой улыбке — той, что будто бы... прощалась.

Звук, похожий на треск ломающегося льда, прорезал воздух.

Голова Лучиано резко дернулась назад.

Кьяра не успела закричать — горячее брызнуло на ее щеки, тонкой теплой дугой скользнуло по рукам.

Тело содрогнулось от шока.

Взгляд мгновенно приклеился к нему.

Казалось, чья-то рука сжала ее сердце в ледяных тисках. Даже когда тело Лучиано упало на холодную плитку, она все еще смотрела туда, где он стоял секунду назад.

Катерина Кавалье

Только что... ведь только что он был здесь.

Она едва понимала свое движение вниз. Колени ударились о кафель. Сквозь пелену она слышала собственный крик где-то очень далеко.

Чьи-то руки схватили ее за плечи, пытаясь оттащить, но Кьяра на инстинктах потянулась вперед.

Не было последних слов.

Не было извинений.

Только струйка крови по центру его лба, где вошла пуля, уничтожая человека, которым он был.

На секунду мир застыл.

А потом — взорвался.

— Синьора! Назад! — голос прорезал тишину так резко, что по коже побежали мурашки.

Сильные руки рванули ее от тела, прижимая к полу, закрывая собой.

Стекло осыпалось дождем.

Охрана вырывала оружие, перекрывала коридор.

Кьяра слышала это как сквозь толщу воды.

Грудь дергалась от рыданий, но ни единого звука не было слышно.

Только теплая кровь на ладонях.

Только пустота там, где секунду назад билось его сердце.

— Уводите ее! Быстро!

Ее подняли — почти понесли прочь: по скользкому мрамору, мимо людей, которые застыли в ужасе.

Чьи-то шаги.

Крики.

Где-то далеко еще один выстрел.

Чужой мир рушился, гремел, трещал.

А ее — закончился в миг, когда его голова дернулась назад.

Глава 1

Значит, мертв.

Лучиано Корсани был мертв. Окончательно и бесповоротно. Выстрел в голову прямо на входе в ресторан, под руку со спутницей. Не спасли ни репутация, ни власть, ни кольцо охраны, с которым они вышли из машины, — пуля все равно достигла своей цели, а все новостные газеты были завалены фотографиями забрызганной кровью девушки.

Дамиано Росетти едва осознавал то, что услышал от своей соты — главной женщины в этой семье и его правой руки. Он медленно провел ладонью по своим светлым волосам, откидывая их со лба, и снова замер. Бьянка некоторое время вводила их в курс дела, покручивая бокал с красным вином. Виктория, их семейный врач, слушала ее, скрестив руки на груди, а Маттео бесшумно поднялся со своего места, чтобы налить себе еще виски.

Глядя на Бьянку, Дамиано в очередной раз подумал, насколько ее хрупкая фигура обманчива. Он

прекрасно знал, что за этой почти детской внешностью, короткими черными волосами и зелеными глазами скрывалась железная хватка.

Удалось выяснить немного — как об убийце, так и о девушке, сопровождавшей Лучиано. Мотивы в этом городе были у многих, но мало кто из семей решился бы убить главу крупнейшего клана.

Нужно было быть самоубийцей для такого.

Структура семей обещала безопасность и стабильность, определенный баланс, что они хранили годами. Даже если конфликты возникали, редко когда они позволяли себе развязывать войну. Отчасти поэтому Дамиано не выдвигал никаких обвинений: он считал, что Лучиано причастен к смерти его родителей, но открыто конфликт не начинал.

Он ненавидел их до глубины души — эту семейку, что выбралась с низов, но считала себя такой же, как остальные. Позволяла себе скупать дорогую недвижимость, расхаживать в роскоши и приходиться на собрания с гордым видом.

Они были никем, никем и остались, сколько бы лет ни прошло в бизнесе, которым они захватывали город.

— Грязный способ, — Виктория фыркнула с презрением.

Она больше других не любила подобные выходки: врачебная привычка ценить жизнь делала для нее любую резню бессмысленной.

— Зато действенный, — запротестовала Бьянка.

— Один неверный шаг мог все испортить, а невинные люди пострадать. Давно репутацию в народе с колен не поднимала?

Дамиано поднял голову. Штормовая серость его глаз сейчас казалась почти черной от едва сдерживаемого торжества.

— Ты такая моралистка иногда, — недовольно сказала Бьянка. — Разве ты не должна радоваться мгновенной смерти?

— Свечусь от счастья.

Учитывая, что свет от окна ложился на длинные светлые волосы Виктории, она действительно *светилась* — идеальная картинка утонченной аристократки с ледяными голубыми глазами и выражением крайнего презрения.

— Хватит, — Дамиано бросил на них обеих укоризненный взгляд. — По существу, пожалуйста. Кто теперь унаследует все дела семьи?

— В этом городе не слышали стука ножек младших Корсани, — отозвался Маттео, вернувшийся с бокалом. Дамиано ценил его не только за острый ум, но и за способность оставаться невидимым там, где темнокожий итальянец должен был привлекать внимание. Люди видели цвет кожи, карие глаза и расслабленную улыбку и совершенно упускали остальное.

Он расположился в кресле рядом с Бьянкой и ослепительно улыбнулся ей, как делал всегда. За что получил удар по плечу.

— Или жена, или его правая рука.

— Женщина не может управлять семьей, — напомнила Виктория, как будто они об этом не знали. Дамиано заметил и то, как она бросила взгляд на него, крутя между пальцев ручку, как скальпель. — Она займет эту должность только временно. Нет такого понятия, как женщина-дон.

— Звучит как обида. Такого понятия, как женщина-соттокапо, тоже не существовало, пока меня не назвали сотой. — Бьянка наклонилась вперед с улыбкой.

— Как будто вне наших стен это прижилось, — Маттео ухмыльнулся.